

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Леонид МЛЕЧИН

ЗАГАДКИ И ТАИНЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Вспомнить всё

Леонид Млечин

Загадки и тайны холодной войны

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Млечин Л. М.

Загадки и тайны холодной войны / Л. М. Млечин — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6042363-3-8

После окончания Второй мировой войны бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции развязали холодную войну, и по всему миру проросли зерна ненависти, посеянные ею. Она продолжалась так долго, что стала жесткой структурой, определявшей все события в мире. Американцы, русские, европейцы и все остальные стали заложниками этого противостояния. Подлинная ее история таит в себе множество неразгаданных загадок и тайн: политические интриги, операции спецслужб, заблуждения людей и амбиции властителей. В книге Леонида Млечина воссозданы главные сражения холодной войны и портреты тех, кто ее вел – политических лидеров, военных и сотрудников спецслужб.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6042363-3-8

© Млечин Л. М., 2019

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	5
Бомба как аргумент в политике	6
«Нас ждет холодная зима, господин председатель»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Млечин

Загадки и тайны холодной войны

От автора

Многим историкам сегодня холодная война видится как трагедия, которую невозможно было избежать: дело не в столкновении тоталитарного Востока и демократического Запада, а в извечном геополитическом противостоянии России и ее западных соседей. Таков был расколотый национальными и блоковыми интересами мир, потому не так сложно было вскоре после Второй мировой соскользнуть в новое противостояние.

Есть иная точка зрения. Большевицкая революция была сама по себе провозглашением холодной войны, потому что ставила целью мировую революцию. И до Горбачева никто от этой цели не отказывался. Разве генералиссимус Сталин и его наследники хотели мирного сосуществования?

Холодную войну не назовешь только лишь столкновением супердержав, повторением того, что происходило и прежде. Это была война идеологий. Или, точнее, идей. Археологические исследования идеологических развалин открывают неприятную истину: семена страха, предубеждений и ненависти к окружающему миру прорастают вновь и вновь. Запасы злобы и вражды стратегического значения переходят от одного поколения к другому. От этого наследства не спешат отказываться.

Вот почему эта книга не представляется мне чисто историческим исследованием. Разве в наши дни не говорят о новой холодной войне?

Как заметил выдающийся немецкий писатель лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс, хотя уже нет железного занавеса, он все равно еще отбрасывает тень. Иногда эта тень кажется очень мрачной. Словно в каком-то смысле мы и в самом деле обречены вновь и вновь возвращаться в те времена.

Главная опасность холодной войны состояла в том, что в любой момент она могла перерасти в горячую. Несколько раз мир стоял на грани ядерного конфликта.

Бомба как аргумент в политике

4 октября 1957 года в Советском Союзе запустили первый искусственный спутник Земли. Триумф советской науки! Не только астрономы-любители, но и просто многие люди во всем мире смотрели в небо и искали глазами спутник. Казавшееся фантастическим событие изменило представление мира о нашей стране.

Немногие тогда сознавали, что космические исследования в значительной степени носили военный характер. Ракеты создавались для того, чтобы доставлять к цели баллистические ракеты с ядерными боеголовками и отправлять на околоземную орбиту спутники военного назначения.

Первый искусственный спутник Земли был выведен в космос модификацией межконтинентальной баллистической ракеты «Р-7» с измененной системой управления. Разработало ракету конструкторское бюро Сергея Павловича Королева. Боевой вариант поступил на вооружение Ракетных войск стратегического назначения.

Первый спутник должен был стать летающей лабораторией, но научное оборудование все не получалось. Королев решил все равно запустить спутник, чтобы обогнать американцев. Он опасался, что Соединенные Штаты его опередят, звонил в КГБ, спрашивал, нет ли у разведки данных о готовящемся запуске американского спутника.

Руководители страны не сразу осознали, какое грандиозное событие произошло и как оно потрясло мир. Никита Сергеевич Хрущев принял Королева, благодарил и говорил:

– Когда вы нам писали о спутнике, мы вам не верили, думали, фантазирует Королев. Но теперь другое дело...

Запуск спутника стал тяжелым ударом для Соединенных Штатов, где не ладилась ракетная программа. За первым советским спутником последовал второй – 3 ноября 1957 года – с собакой Лайкой на борту. Так Королев откликнулся на просьбу Хрущева порадовать страну накануне сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

В космос впервые отправилось первое живое существо. Семь дней советские ученые получали информацию о поведении собаки в космическом пространстве. Эксперименты с собаками проводились с лета 1951 года, когда их стали запускать в кабинах первых ракет. Эксперименты доказывали, что живое существо способно нормально существовать в космосе. К большому сожалению советских ученых, исследовать Лайку после полета им не удалось. Второй спутник не вернулся на Землю – сгорел в верхних слоях атмосферы. Но путь человеку в космос был открыт.

Если Хрущев призывал догнать и перегнать Соединенные Штаты по производству молока и мяса, то в Америке били тревогу: нельзя отставать от Советского Союза в ракетостроении. Узнав о запуске спутника, Эдвард Теллер, «отец американской водородной бомбы», заявил по телевидению:

– Америка проиграла битву, более важную, чем Перл-Харбор.

7 ноября 1957 года президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр получил секретный доклад об отставании от СССР. «Америке угрожает оснащенный ракетами Советский Союз, – говорилось в докладе. – Соединенные Штаты превращаются в державу второго сорта». Еще через месяц, в годовщину японского нападения на Перл-Харбор, в США попытались запустить свой спутник. Он приподнялся над мысом Канаверал и рухнул. Контраст между космическими успехами Советского Союза и провалом Соединенных Штатов не мог быть очевиднее.

Вашингтон ответил на спутник законом об образовании. На соревнование умов ежегодно выделялись два миллиарда долларов – эти деньги шли университетам и непосредственно студентам, которые смогли получить образование за казенный счет. В 1960 году в США было три

с половиной миллиона студентов, через десять лет число получающих высшее образование увеличилось вдвое.

После запуска спутника британский премьер-министр Гарольд Макмиллан поинтересовался у разведки:

– Способны ли русские создать ракеты, которые достигнут нашей территории?

В начале пятидесятых годов британская разведка полагала, что начало войны можно будет предвидеть. Предполагалось, что вслед за ядерным ударом последует наступление наземных сухопутных сил, концентрацию которых можно будет засечь. Исходили из того, что у НАТО будет примерно неделя на подготовку к войне. После запуска спутника решили, что на мобилизацию сил останется один-два дня. Правда, командующий Королевскими военно-воздушными силами маршал авиации сэр Джон Слессор не согласился с этим выводом:

– Я не верю разведывательным оценкам, из которых следует, что русские достигнут Рейна всего через несколько дней. Не думаю, что разведчики подготовлены для того, чтобы делать такого рода оценки.

Никто из военачальников не знал, как будут развиваться боевые действия с использованием ядерного оружия.

Человечество спокойно встретило появление атомной бомбы. Освобождение ядерной энергии лишь подтверждало всеобщую веру в прогресс. Казалось, что история, как хорошо подготовленная армия, совершает марш от низшего прошлого к высшему и счастливому будущему.

Если бы производство атомного оружия оказалось тяжелым бременем для налогоплательщиков, Соединенные Штаты, возможно, проявили бы большую сдержанность в наращивании ядерного потенциала. Но потребовались только первоначальные капиталовложения в конструирование моделей и строительство производственных мощностей по обогащению урана и плутония. Когда все это было налажено, ядерные бомбы производились по сравнительно приемлемой цене.

Через несколько дней после ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки газета «Нью-Йорк таймс» восторженно писала:

«Атомная бомба была создана для войны, но знание, которое позволило ее создать, родилось благодаря бессмертному стремлению к знанию и использованию даров природы на общее благо. Это новое знание может принести на эту землю не смерть, а жизнь, не тиранию и жестокость, а божественную свободу».

Восторженный оптимизм завоевал общественное мнение. «Секрет атома принесет процветание и более совершенную жизнь, откроет эру невиданного богатства и возможностей для всех» – так писали и говорили в первые годы после Второй мировой.

Военный министр Генри Стимсон обещал президенту Рузвельту: бомба «обеспечит такое мироустройство, которое гарантирует мир во всем мире и спасет цивилизацию».

Наступление атомной эры совпало с началом «американского века». Соединенные Штаты воспринимали себя как необычайно богатую страну, судьба которой складывалась счастливо на протяжении почти всей ее недолгой истории. Американцы считали, что они богаче и сильнее всех в мире. Экономика США стала двигателем всей мировой экономики. Всемирное признание доллара в качестве мировой валюты символизировало эру, которая могла называться *Pax Americana*.

Соединенные Штаты затевали грандиозные и амбициозные проекты. Американцев, конечно, беспокоили отдельные несовершенства мироздания, но страха у них не было – в том числе страха перед ядерным уничтожением.

Ядерные испытания казались чем-то завораживающим, экстравагантным и даже забавным. Новый, весьма откровенный по тем временам женский купальный костюм называли «бикини» – в честь атолла в Тихом океане, на котором гремели ядерные взрывы.

Что касается военных, то они были озадачены появлением бомбы. Если они и испытали страх – то не перед пугающей мощью расщепленного атома, а скорее перед тем, что это разрушительное оружие делает их ненужными. Если есть бомба, зачем содержать большую сухопутную армию и флот?

Атомная бомба считалась слишком серьезным оружием, чтобы доверять его военным. Хранилища ядерных боезарядов находились под охраной и контролем гражданских властей. Военным боеголовки выдавали только с разрешения президента.

Когда Сталин приказал блокировать Западный Берлин, 18 июля 1948 года шестьдесят американских бомбардировщиков В-29, способных нести атомное оружие, были демонстративно переброшены на британские базы, поближе к советским границам. Но это был блеф – атомных бомб там не было.

Американское атомное оружие находилось в ведении не военных, а комиссии по атомной энергии. Только в июле 1950 года президент Гарри Трумэн санкционировал отправку в Англию для оснащения этих самолетов неядерные компоненты бомб. Плутониевые капсулы все еще оставались в руках атомной комиссии. Ядерные и неядерные компоненты бомбы нельзя было держать в одном месте до объявления полномасштабной боевой тревоги. Право отдавать приказ о подготовке ядерного заряда к боевому применению военно-воздушные силы США получили в апреле 1954 года. Вот тогда уже военные смогли брать ядерное оружие со складов так же просто, как книгу в библиотеке.

Соединенные Штаты пребывали в уверенности, что атомное оружие надежно гарантирует безопасность страны. Поэтому главное, в чем нуждается страна, – это в эффективных средствах доставки ядерного оружия. Стратегическое авиационное командование получило в свое распоряжение межконтинентальные бомбардировщики, способные достичь советской территории. Летчики дежурили на аэродромах в ожидании приказа на взлет.

В Соединенных Штатах полагали, что еще долго останутся монополистами в ядерной сфере. Правда, во время войны американские ученые опасались, что их опережают немцы. Боялись гения – нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга. Вот поэтому весной сорок пятого вместе с наступающими войсками в Германию вступила спецгруппа американской разведки с задачей узнать тайны немецкого ядерного проекта. Руководил группой бывший тренер школьной футбольной команды полковник Борис Пэш, русский по происхождению.

Борис Пэш родился в Сан-Франциско. Его отец – православный священник Федор Николаевич Пашковский был отправлен секретарем миссии Русской православной церкви в Калифорнию в конце XIX века. Перед Первой мировой войной семья вернулась в Россию. Борис учился в Киевской духовной семинарии, которую окончил в 1917 году. Священником не стал, воевал в белой армии. В двадцатом году уехал в США, получил высшее образование, работал в школе тренером по регби. Когда началась Вторая мировая, его призвали в американскую армию. В роли офицера безопасности он участвовал в программе создания атомного оружия.

Группа полковника Пэша, сопровождаемая инженерным батальоном, двигалась на юг, по восточному берегу Рейна, опережая наступавшие войска союзников. Городок Хайгерлох в Бадене-Вюртемберге хранил тайну ядерного проекта нацистской Германии – там был построен атомный реактор. Когда группа полковника Пэша 23 апреля въехала в город, американцам рассказали, что четыре месяца назад в городе появились чужаки и что-то спрятали в пещере, где священники веками хранили вино. На следующий день в пещере нашли урановый реактор. В соседнем городке Хехингене обнаружили немецких физиков. Американцы забрали материалы атомного проекта, вывезли запасы урана, полторы тонны тяжелой воды. И убедились, что немцы надолго отстали от союзников.

Советские контрразведчики тоже вывозили из оккупированной Германии атомщиков, но, создавая ядерное оружие, обошлись без них. 20 августа 1945 года Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны, которое означало мобилизацию всех ресурсов

на создание атомной бомбы. Ответственным он назначил своего лучшего менеджера – Лаврентия Берия, у которого был особого рода организаторский дар.

25 января 1946 года Сталин, пригласив к себе научного руководителя ядерного проекта профессора Курчатова, выговаривал ему: почему скромничаете? почему мало требуете для максимального ускорения работ? При разговоре присутствовал Берия. Игорь Васильевич отвечал:

– Сколько разрушено, сколько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает...

Сталин был недоволен:

– Просите все что угодно. Отказа не будет. Наше государство сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жили на славу, а несколько сотен жили еще лучше, чтобы у каждого были и машина, и дача.

Атомщикам действительно давали все, что им было нужно. Но и распоряжались ими как заключенными. Первое ядерное взрывное устройство испытали 29 августа 1949 года. Председателем комиссии назначили Берия. Когда бомба взорвалась, Лаврентий Павлович расцеловал профессоров Игоря Курчатова и Юлия Харитона (будущего академика и трижды Героя Социалистического Труда) и добавил:

– Было бы большое несчастье, если бы не вышло!

Все понимали, что он имеет в виду. Неудача могла закончиться судом, лагерем, может быть, расстрелом.

Соединенные Штаты чувствовали себя надежно за атомным щитом. С появлением советского ядерного оружия щит стал тоньше. Баланс сил изменился. Председатель сенатского комитета по иностранным делам Артур Ванденберг признал:

– Теперь мы живем в другом мире.

Это был крупный провал западных разведок. Что-то они знали. Скажем, выяснили, что Советский Союз организовал добычу урановой руды в Восточной Германии. Занималось этим советское акционерное общество «Висмут» в Рудных горах в Саксонии. Приказом Советской военной администрации 30 мая 1947 года все горно-перерабатывающие предприятия Рудных гор были объявлены советской собственностью. Считается, что на урановых рудниках было занято полмиллиона немцев. (В 1954 году «Висмут» было преобразовано в советско-германское акционерное общество и продолжало работать до мая 1991-го.)

Стратегически важными предприятиями ведал генерал-полковник Богдан Захарович Кобулов, один из самых близких к Берии людей, назначенный заместителем начальника Главного управления советским имуществом за границей и одновременно заместителем главного начальствующего Советской военной администрации в Германии. В 1950 году он стал заместителем председателя Союзной контрольной комиссии по делам советских государственных акционерных обществ в Германии.

Охраной предприятий «Висмута» ведала советская госбезопасность (см. книгу М. Семиряги «Как мы управляли Германией»). Тяжелая работа, низкая зарплата, грубость советских солдат порождали постоянное недовольство шахтеров, забастовки, волнения.

В середине августа 1951 года среди рабочих «Висмута» начались волнения, шахтеров поддержало местное население. 11 сентября политбюро обязало председателя Союзной контрольной комиссии Чуйкова расследовать причины «провокационных выступлений, проверить практику работы советской дирекции а/о «Висмут» в части, касающейся ее взаимоотношений с немецкими рабочими и служащими, усилить отдел информации а/о «Висмут», ведающий политической работой среди немецких рабочих и служащих, квалифицированными политработниками, знающими немецкий язык».

Проведение открытого судебного процесса, связанного с беспорядками, в политбюро сочли нецелесообразным.

18 октября на политбюро вновь рассмотрели вопрос о «Висмуте». Министру госбезопасности Игнатьеву поручили «усилить работу по борьбе со шпионско-диверсионной агентурой иностранных разведорганов и другими вражескими элементами в районах работ а/о «Висмут» и увеличить штаты Отдела МГБ СССР при а/о «Висмут».

Бежавшие на Запад немецкие шахтеры не могли сообщить, сколько урана там добывается. В Соединенных Штатах пришли к выводу, что Советскому Союзу для создания ядерного арсенала не хватает урана. На самом деле его было достаточно, добыча руды шла полным ходом и в самом Советском Союзе.

Когда было взорвано первое советское ядерное устройство, многое в мире изменилось. Англия осознала свою уязвимость перед советским ядерным оружием. Лондону рисовались гибельные сценарии: если разразится война с применением обычного оружия, Британские острова будут уничтожены. Комитет начальников штабов подготовил доклад о контурах грядущей войны с учетом опыта Хиросимы и Нагасаки. Выяснилось, что для полного уничтожения Англии достаточно тридцати ядерных бомб.

Правда, начальник британской военно-морской разведки вице-адмирал Эрик Лонгли-Кук придерживался иного мнения. Он доказывал: советские лидеры крайне консервативны и сами боятся нападения. Осторожные по натуре, они не представляют опасности для Англии. Прочитав адмиральские соображения, Уинстон Черчилль поинтересовался, не коммунист ли адмирал, и велел за ним присматривать.

Свое первое ядерное взрывное устройство англичане испытали 3 октября 1952 года на северо-западном побережье Австралии, в Монте-Белло, местечке, известном кораблекрушениями и ныряльщиками за жемчугом. Атомный проект обошелся в сто миллионов фунтов стерлингов, что правительство скрыло от парламента. Первые бомбы поступили на вооружение в 1955 году.

Англичане преувеличивали масштабы своего ядерного арсенала. Но на Британских островах работало немало число советских агентов, и в Москве были осведомлены о реальном положении. В Лондоне понимали и другое: если преувеличить возможности системы противовоздушной обороны, то Советский Союз нацелит на Британские острова дополнительное количество бомб и ракет. Поэтому в программу дезинформации включили еще один пункт – о способности британской экономики пережить ядерный удар. Напоминали о том, что Британская империя – это еще и Содружество наций и ответный удар может быть нанесен с территории британских колоний.

Британские военные считали необходимым постоянно отправлять к границам Советского Союза бомбардировщики, чтобы давить советским военным на нервы – пусть в Москве гадают, есть ли на борту самолета, который летит в их сторону, ядерное оружие. Они хотели заставить Москву считать, будто каждый самолет, появляющийся у границ СССР, несет ядерное оружие. Это помешает сконцентрировать средства противовоздушной обороны на самых опасных направлениях.

Британские бомбардировщики того времени обладали небольшой дальностью полета. Это означало, что в случае войны, сбросив атомную бомбу над советской территорией, назад экипаж не вернется. Британские летчики мрачно шутили, что им придется прыгать с парашютом где-то над Сибирью и ждать окончания войны в тайге.

Атомных бомб было маловато, и британское правительство пыталось ввести в заблуждение не только Советский Союз, но и собственных союзников. Турция, Иран, Ирак и Пакистан не вступили бы в союз с Англией и не заключили так называемый Багдадский пакт, если бы не верили в военную мощь Великобритании. В Лондоне знали, что не станут тратить силы на защиту Среднего Востока. Но союзники по Багдадскому пакту свято верили, что Англия пустит в ход ядерное оружие для их обороны.

Первая британская водородная бомба, полученная Королевскими военно-воздушными силами в феврале 1958 года, была очень ненадежной. Даже небольшой сбой мог привести механизм в действие, и взрыв был бы неизбежен. В 1959 году бомбу сняли с вооружения, потому что она представляла опасность для самой Англии.

Сначала казалось очевидным, что атомные бомбы, как и прежде, станут доставлять самолеты. Но в пятидесятые годы ракеты, сначала малые и средние, а потом и межконтинентальные, стали реальным средством доставки ядерных боезарядов.

13 июня 1942 года на побережье Балтийского моря, в местечке Пенемюнде, немецкие инженеры открыли ракетную эру, запустив первую баллистическую ракету. Ее создателю – Вернеру фон Брауну – было всего двадцать восемь лет. Ракета пролетела километр, потому что вышла из строя система управления. Второй пуск оказался более удачным. Отклонение от объекта поражения составило четыре километра.

Появление «Фау-2» уже не спасло нацистскую Германию, но союзники в полной мере воспользовались плодами трудов немецких ракетчиков. Ни у Советского Союза, ни у Соединенных Штатов не было подобных разработок.

Победители вообще неплохо попользовались трофейным имуществом. Запад не меньше Советского Союза интересовали немецкие научные и технологические достижения. Патенты микрофильмировались и пересылались домой – в академические институты Соединенных Штатов, Англии и Франции. Союзники прошерстили научные учреждения Германии и забрали все мало-мальски интересное для изучения.

Особенно интересовали победителей радиолокаторы, управляемые ракеты, самонаводящиеся торпеды, биологическое и химическое оружие... Интересовались экзотическими проектами, скажем, идеей временного ослепления войск врага с помощью ультрафиолетовых волн. В таких направлениях, как ракетостроение и подводные лодки, Германия была мировым лидером. Полезных немцев искали повсюду. Специалисты, которым было что предложить, могли рассчитывать на хорошие условия жизни в послевоенной разрушенной Германии.

В 1946 году появился новый мотив: не позволить важнейшим немецким ученым перебраться в Восточную зону, чтобы они не оказались в руках Советского Союза – даже если и не представляли интереса для Запада. Американцы решили перевозить в США немецких ученых и членов их семей, лишь бы они не попали к русским. В Англию перетащили целую лабораторию авиационной фирмы «Фокке-Вульф» из Детмольда. Военно-морской флот хотел получить новейшие немецкие лодки и позаботился о том, чтобы они не достались советским морякам.

Англичане использовали немецкие разработки для создания арсенала оружия массового уничтожения. В первую очередь обзавелись оборудованием для производства химического оружия. Фельдмаршал Монтгомери считал, что отравляющие газы – сравнительно гуманное оружие, по крайней мере страна не разрушается, гибнут только солдаты. Заодно осуществлялась программа дезинформации относительно создания биологического оружия. Чтобы у Советского Союза создалось впечатление огромных успехов западных ученых в этой сфере, распространялись слухи о появлении новых видов оружия, которые на самом деле не существовали.

Американские разведчики первыми нашли Вернера фон Брауна. Вместе с коллегами-ракетчиками и тонной секретной документации он был отправлен в Соединенные Штаты. Ему построили испытательную базу в штате Нью-Мексико, куда доставили триста железнодорожных вагонов с частями ракет «Фау-2», обнаруженными в Германии.

По Потсдамскому соглашению район, где находился немецкий ракетный завод, входил в советскую зону оккупации. Оттуда запрещался вывоз материалов и оборудования, но американскую разведку это не остановило. На полигоне в штате Нью-Мексико немцы собрали и испытали примерно семьдесят «Фау-2». Они стали основой американской ракетной программы.

Для советских и американских ракетчиков главный вопрос состоял вот в чем: стоит ли воспроизводить немецкую ракету, которая была неэффективной и к тому же имела небольшой радиус действия? Американцы – даже при наличии Вернера фон Брауна – сразу пошли иным путем и создавали принципиально новую ракету.

В нашей стране решили скопировать «Фау-2». Для этого потребовалось создать отечественную ракетную промышленность. Не было стали, которой пользовались немцы, не было такой резины, не было пластмассы, производство всего этого пришлось освоить. Первая советская баллистическая ракета взлетела 18 октября 1947 года в 10 часов 47 минут утра. Сталину об успехе доложил председатель госкомиссии начальник Главного артиллерийского управления Николай Дмитриевич Яковлев.

Первые боевые ракеты Р-1, Р-2, Р-5 были одноступенчатыми, топливо – жидкий кислород и этиловый спирт. Один из генералов пренебрежительно заметил конструкторам:

– Вы заливаете в ракету четыре тонны спирта. Да если отдать этот спирт моей дивизии, он любой город возьмет! А ваша ракета в этот город даже попасть не может. Кому это нужно?

Осенью 1953 года атомщики заинтересовались ракетами Сергея Павловича Королева – нельзя ли начинить их ядерной взрывчаткой? Р-5М стала первой ракетой – носителем ядерного заряда. Ракеты пошли в серию, их поставили на боевое дежурство на Дальнем Востоке и в Прибалтике. Знаменитый авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев, узнав, что атомные заряды ставят на ракеты, сказал Королеву:

– Страшное это дело. А вдруг уроните на свою территорию?

Военным руководителем испытаний первой водородной бомбы в 1953 году, вспоминал академик Андрей Дмитриевич Сахаров, был заместитель министра обороны маршал Василевский. Встал вопрос о том, что по соображениям безопасности надо эвакуировать десятки тысяч людей из опасной зоны. Александр Михайлович Василевский успокоил ученых:

– Напрасно вы так мучаетесь. Каждые армейские маневры сопровождаются человеческими жертвами, погибает двадцать-тридцать человек. Это неизбежно. Ваши испытания гораздо важнее для страны, для ее оборонной мощи.

Выступление главы правительства Георгия Маленкова на пятой сессии Верховного Совета СССР 9 августа 1953 года опубликовали все центральные газеты:

«За границей сторонники войны длительное время тешили себя иллюзией насчет монополии Соединенных Штатов Америки в деле производства атомной бомбы. Жизнь, однако, показала, что здесь имело место глубокое заблуждение. Соединенные Штаты давно уже не являются монополистами в деле производства атомных бомб. За последнее время заокеанские противники мира нашли себе новое утешение. Соединенные Штаты, видите ли, владеют более мощным, чем атомная бомба, оружием, являются монополистами водородной бомбы. Это, видимо, было бы каким-то утешением для них, если бы соответствовало действительности. Но это не так. Правительство считает необходимым доложить Верховному Совету, что Соединенные Штаты не являются монополистом и в производстве водородной бомбы. (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты*)... Мы ответим всякому, кто проповедует политику силы в отношении Советского Союза, ответим, не вдаваясь в подробности: «Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла». (*Общий смех в зале. Бурные, продолжительные аплодисменты.*)»

Советская водородная бомба была совершеннее. Американцы испытали свою бомбу 1 ноября 1952 года на островке в Тихом океане. Островок перестал существовать. Американская бомба была настолько тяжелой, что ее мог нести только бомбардировщик. Советская была легче и компактнее. Американские специалисты испугались, что СССР первым оснастит ядерными зарядами межконтинентальные ракеты. Так появилась теория ракетного отставания Соединенных Штатов.

С появлением советского ракетно-ядерного оружия Соединенные Штаты утратили чувство неуязвимости. Американцы осознали, что тоже могут стать жертвой расщепленного атома. 31 июля 1958 года Хрущев сказал Мао Цзэдуну:

– Теперь, когда у нас есть межконтинентальные ракеты, мы держим Америку за горло. Они думают, что Америка недостижима. Но это не так.

Когда Никита Сергеевич заявил: «Мы вас похороним!», его обещание восприняли в буквальном смысле и всерьез. Запад ощутил привкус поражения.

Американцев охватил страх. В школах стали устанавливать сирены противовоздушной обороны – по настоянию родителей и местных политиков. Взрослые и дети посещали учения по гражданской обороне. Президенту Эйзенхауэру предложили ассигновать двадцать миллиардов на строительство ядерных убежищ. Частный сектор не остался в стороне – предлагались удобные семейные убежища ценой в две тысячи триста долларов.

Американские военные приняли на вооружение стратегию «массированного возмездия». Если советские войска вторгнутся в Западную Европу, обещали американские лидеры своим союзникам, Соединенные Штаты обрушат ядерный груз на территорию СССР. Президента Дуайта Эйзенхауэра однажды прямо спросили, готов ли он пустить в ход ядерное оружие, чтобы сохранить Западный Берлин.

– Я не говорил, что ядерная война в принципе невозможна, – ответил президент, тщательно подбирая слова. – Мы должны быть готовы ко всему. Мы сделаем все, чтобы защитить себя, но мы никогда не откажемся от наших прав и обязательств.

Европейцы, однако, не очень верили, что Соединенные Штаты готовы пойти на риск ядерной войны, что они не бросят Западную Европу на произвол судьбы. Ощущение незащищенности усугублялось болезнями президента Эйзенхауэра.

В ночь на 24 сентября 1955 года у Эйзенхауэра случился инфаркт или, говоря языком медиков, острый тромбоз коронарных сосудов – сгусток крови закупорил сердечную артерию. Первые две недели никто не знал, сумеет ли он вернуться к исполнению своих обязанностей. Многие поспешили его похоронить как политика. Тогда был принят закон, предусматривающий передачу власти вице-президенту в случае, если глава исполнительной власти не в состоянии осуществлять свои полномочия. Несколько месяцев Эйзенхауэра заменял вице-президент Ричард Никсон.

Едва Эйзенхауэр выкарабкался, как через полгода у него возникла кишечная непроходимость. Консилиум принял решение немедленно положить президента на операционный стол. Эйзенхауэру сделали серьезную полостную операцию, она продолжалась два часа. После операции он выглядел очень плохо, страдал от сильных болей. Жаловался, что физически не в состоянии нести бремя своей должности и пора подавать в отставку.

Но президент оправился. Отказался от мысли досрочно покинуть Белый дом. И даже решил баллотироваться на второй срок. Пока Эйзенхауэр болел и готовился к выборам, внешнюю политику страны определял государственный секретарь Джон Фостер Даллес.

Даллес не пользовался популярностью – из-за его сухих манер и воинственных взглядов. Англичане его не любили как человека, который перед войной был сторонником политики умиротворения Гитлера и Муссолини.

Эйзенхауэр просто объяснил назначение Даллеса государственным секретарем:

– Есть только один человек, который объездил больше стран, чем он. Это я.

Мышление Даллеса носило на себе печать пуританского воспитания. Хмурое выражение лица и замкнутость соответствовали его взглядам и характеру. Даллес считал, что успешная политика может основываться только на прочных религиозно-этических принципах. Он видел в коммунизме угрозу христианству. Такого же мнения придерживался и его брат Аллен, которого сделали директором ЦРУ.

Общего у братьев было немного. Джон Фостер походил на священника. Аллен наслаждался жизнью во всех ее проявлениях. Джон Фостер полагался на веру, Алленна свои мозги. Джон Фостер выдвигал идеи. Аллен был исполнителем. В высшем обществе Джона Фостера уважали, Аллена любили. Присутствие Аллена на ужине было мечтой любой хозяйки салона, Джон Фостер наводил тоску. Взаимоотношения братьев составляли человеческую ткань холодной войны. Джон Фостер определял принципы, Аллен превращал их в практическую политику.

Как и в шахматах, Фостер предпочитал начинать партию, Аллен передвигал фигуры в изощренной борьбе.

Холодная война психологически была тяжким испытанием для генералов. Они знают два состояния – войну или мир. Холодная война, то есть нечто среднее, заставляла генералов нервничать. Они хотели определенности. Но государственный секретарь Даллес не желал ни войны, ни ослабления напряженности. Он предпочитал балансировать на грани прямого столкновения, чтобы давить на коммунистические державы и тем самым сдерживать распространение коммунизма в мире.

«Моя попытка открыть вашингтонским политикам глаза на реальности советской политики, – писал Джордж Кеннан, – оказалась более успешной, чем я ожидал. Мне удалось продать больше товара, чем у меня было. Наши люди настолько поверили во враждебность советского руководства, что теперь полностью отбрасывали идею о сотрудничестве с Москвой. Такие деятели, как Джон Фостер Даллес, верили, что мы можем добиться чего-либо от Москвы только путем создания огромной военной мощи.

Холодная война мыслилась исключительно в военных терминах. Меня все это привело в ужас. Я был поражен тем, как упрощенно рассуждали в нашей стране: они думали о Сталине так же, как о Гитлере, полагали, что советская угроза мало чем отличается от угрозы со стороны нацистов».

В конце пятидесятых Китай стал главным раздражителем для Соединенных Штатов. Конфронтация с Советским Союзом бывала весьма острой, но реальная война могла разразиться между США и КНР. Два самых опасных кризиса – из-за Берлина и Кубы – созрели достаточно долго, великие державы имели время подумать и сообразить, что им делать. На Ближнем и Дальнем Востоке штормы начинались без предупреждения и потому были более опасны. Китай, считали на Западе, еще менее предсказуем, чем Советский Союз.

В апреле 1944 года на конференции в Думбартон-Оксе советские представители согласились включить Китай в пятерку постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето. На следующий год в Ялте президент Рузвельт уговорил Сталина считать китайского президента Чан Кайши союзником, хотя он вел борьбу с коммунистами Мао Цзэдуна. В августе 1945 года Сталин и Чан Кайши подписали Договор о дружбе и союзе.

Узнав о договоре между Сталиным и Чан Кайши, Мао уверенно сказал:

– Мы можем собственными силами победить и Чан Кайши, и всех иностранных реакционеров.

Разгромив японскую Квантунскую армию, советские войска заняли Маньчжурию. Американцы, в свою очередь, создали военно-морскую базу в Циндао. К концу сорок пятого в Китае находилось пятьдесят тысяч американских морских пехотинцев.

В ноябре 1945 года отозванный для консультаций в Вашингтон посол в Китае Патрик Херли неожиданно заявил, что уходит в отставку, потому что государственный департамент США сотрудничает с китайскими коммунистами. И тогда Трумэну посоветовали отправить в Китай специальным представителем генерала Маршалла – причем немедленно, чтобы перебить неприятное впечатление от заявления посла.

Трумэн позвонил Джорджу Маршаллу и попросил его поехать в Китай. Маршалл участвовал в переговорах между компартией Китая и гоминьданом, партией Чан Кайши. 10 января 1946 года представители обеих сил подписали соглашение о прекращении гражданской войны,

сокращении и реорганизации вооруженных сил, демократизации политической жизни Китая. Маршалл стал председателем «комиссии трех», в которую помимо него вошли представители компартии и гоминьдана.

Но дальше соглашения дело не пошло. Генерал Маршалл безуспешно пытался добиться реального перемирия и создания коалиционного правительства, в котором ведущая роль принадлежала бы Чан Кайши. Для Маршалла китайская миссия оказалась большим разочарованием.

Чан Кайши попытался использовать свои новые отношения со Сталиным, чтобы установить контроль над всей страной. Сталину это не понравилось. Он позволил коммунистам захватить запасы трофейного японского оружия, чтобы они могли успешно сопротивляться разбросанным по всей стране войскам гоминьдана. С японским оружием и ограниченной поддержкой Москвы войска Мао начали брать верх.

В ноябре 1946 года 7-й американский флот получил приказ вывести из Китая морских пехотинцев. 29 января 1947 года Маршалл, теперь уже государственный секретарь США, заявил, что отзывает из Китая всех американских представителей.

«Наша подлодка провела два месяца, патрулируя вдоль берегов Китая от Гонконга до Циндао, – вспоминал будущий президент Джимми Картер, в ту пору молодой флотский офицер. – Это было необыкновенно интересное время. Войска китайских коммунистов окружали города, и в горах были видны костры их лагерей. Витрины магазинов были заколочены. Люди нервничали. Войска националистов под угрозой штыка мобилизовали всех молодых и старых «добровольцев».

Вашингтон предоставил Чан Кайши экономическую и военную помощь на два миллиарда долларов, но это не помогло. Чан проиграл войну и с остатками своих войск бежал. Мао провозгласил создание Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года, а в декабре на поезде отправился в Москву. Он провел в Советском Союзе два месяца, пока готовился договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Но договор требовал совместных военных действий только в случае нападения Японии или другой страны, которая объединится с Японией. Поскольку Япония перестала представлять военную опасность, военная составляющая договора не имела практической ценности.

Договор не обязывал Советский Союз вмешаться в случае военного столкновения с войсками Чан Кайши, которые укрылись на острове Формоза (Тайвань) и пользовались американской поддержкой. А вот Соединенные Штаты взяли на себя обязательство поддерживать правительство Чан Кайши, от которого не могли отказаться, и это привело к длительному конфликту с Китаем из-за Тайваня.

Англия в 1949 году признала коммунистическое правительство в Пекине, рассчитывая прежде всего на масштабные экономические отношения. Это отражало стремление Лондона признавать те правительства, которые обладают реальной властью. Британский премьер Клемент Эттли не хотел быть втянутым в большую войну из-за Китая. Англичане понимали, что им не удержать Гонконг.

24 января 1955 года президент Эйзенхауэр потребовал у Конгресса предоставить ему особые полномочия и на следующий день получил право принимать меры, «которые могут предусматривать применение вооруженных сил в случае, если возникнет необходимость обеспечить безопасность Формозы и Пескадорских островов».

Это была демонстрация силы. Но никто не знал, насколько далеко способны зайти Соединенные Штаты и как долго можно оборонять острова. Тем более что с точки зрения международного права невозможно было отрицать, что они принадлежат континентальному Китаю.

Начальник штаба американской авиации генерал Натан Твайнинг грозно говорил:

– Я не думаю, что три небольшие атомные бомбы, если их положить точно в цель, принесут слишком много неприятностей. Зато они преподадут китайцам хороший урок.

Поскольку американское правительство не признало Китайскую Народную Республику, дипломатам и разведчикам пришлось покинуть Пекин. Главным разведцентром, который занимался Китаем, стало генеральное консульство в Гонконге – самое большое генконсульство в мире: сорок два вице-консула и сотни человек вспомогательного персонала.

Один из разведчиков получил из Вашингтона телеграмму: проверить подлинность информации о том, что презервативы западного производства через Гонконг уходят в коммунистический Китай. Он бросился выяснять, сколько презервативов поступает в Гонконг, сколько использует местное население, сколько может отправляться в Китай? Тут поступила вторая телеграмма, объясняющая, почему ему поручена задача первостепенной важности: «есть информация о том, что китайские коммунисты используют презервативы, чтобы прикрывать дуло автомата от влаги».

Вице-консул задумался над тем, как же помещать отправке презервативов военного значения в Китай. Но задание отменили. Специалисты объяснили разведчикам: если завертывать дуло в презерватив, оно очень быстро ржавеет...

ЦРУ проводило тайные операции прежде всего на юге Китая. Беженцы, устремившиеся в Гонконг, помогали американцам понимать настроения внутри китайского общества. Особенно важным этот постегал в 60-е годы, когда в КНР началась «культурная революция» и китайцы искали убежище в Гонконге. Никогда еще, вспоминали ветераны американской разведки, у них не было так много информации из Китая.

Поскольку в 1949 году не было подписано перемирие между КНР и Тайванем, правительство Чан Кайши считало себя вправе вести тайную войну против коммунистов. С Тайваня на континент перебрасывались диверсионные подразделения иногда численностью до батальона. ЦРУ обучало тайваньский спецназ.

Однажды на континент высадили четыре тысячи пехотинцев и тысячу спецназовцев. Они успешно вернулись назад с семьями пленными. Спецназовцы участвовали в параде по случаю дня рождения Чан Кайши. Однако попытки продвинуться вглубь континента приводили к гибели отрядов. Поднять население против коммунистического режима не удалось. Ограничились распространением пропагандистских материалов и короткими рейдами.

Внутри ЦРУ оказалось достаточное количество полковников и майоров с опытом боевой работы, их тянуло к полувоенным операциям, которые проводились по периметру китайских границ. Где спецслужбы – там нарушение закона. В 1952 году проверка бангкокской резидентуры показала, что под видом тайных операций против китайских коммунистов там занимались контрабандой опиума. ЦРУ на Тайване располагало собственной авиакомпанией – «Сивил эйр транспорт», которая сбрасывала боевые группы над территорией КНР. Среди агентов были попавшие в плен солдаты китайской армии, которые не захотели возвращаться в КНР и предпочли Тайвань.

Один из самолетов, принадлежавших ЦРУ, – С-47 был сбит. Пилоты погибли, а два молодых сотрудника ЦРУ выжили. Они провели в китайских тюрьмах два десятилетия, пока президент Ричард Никсон не договорился об их освобождении.

Полувоенные и подрывные акции проводились для того, чтобы держать Китай в напряжении: если Мао Цзэдун будет считать, что у него дома неспокойно, он не развяжет большую войну. Интенсивные конфликты вокруг Китая в любую минуту могли сдетонировать в большую войну.

Серьезный кризис разразился 11 апреля 1955 года.

В Бандунге (Индонезия) собрались лидеры неприсоединившихся государств. Местные резидентуры ЦРУ предложили взорвать самолет с главой китайской делегации Чжоу Эньлаем, чтобы это послужило предупреждением другим коммунистическим лидерам. Вашингтон предложение отверг. А на Тайване решили воспользоваться благоприятной возможностью.

В ответ на артиллерийский обстрел островов агенты тайваньской разведки подложили бомбу в индийский самолет, который вез китайских журналистов в Индонезию. Бомбу подложили во время дозаправки в Гонконге. Экипаж и пассажиры погибли. Говорили, что глава правительства Чжоу Энлай тоже собирался лететь этим самолетом...

Расследование закончилось ничем – к разочарованию Пекина. Рассекреченные в 1999 году документы показали: премьер-министру Энтони Идену доложили, что сотрудник аэропорта в Гонконге, на которого указали китайцы, действительно был завербован тайваньской разведкой. Иден тогда промолчал и лишь потребовал выслать из Гонконга шестерых сотрудников тайваньской разведки, причастных к теракту.

Американская разведка пыталась установить тайные отношения с Индией, чтобы сделать ее союзницей в противостоянии с Китаем.

Индия получила независимость в 1947 году, коммунисты пришли к власти в Пекине в 1949 году. Казалось, отношения между ними станут теплыми. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру был расположен к Мао Цзэдуну. Но позиции Индии изменились, когда осенью 1950 года китайские вооруженные силы разгромили небольшую тибетскую армию и вошли в Лхасу, изгнав оттуда индийских дипломатов.

Тибет был религиозным государством, страной правил регент Радинг Ринпоче. Далай-ламе Тензину Гьяцо было тогда всего пятнадцать лет. Тибету обещали автономию. Мао Цзэдун пригласил к себе далай-ламу, тот даже вступил в Компартию Китая. Но потом началась коллективизация, затем голод: умерло триста с лишним тысяч человек. Жестокость китайских властей в Тибете перечеркнула добрые чувства и симпатию, которые Неру питал к Китаю. Он создал Северную армию для защиты прежде не охранявшейся гималайской границы и взял под протекторат расположенные между Индией и Китаем три княжества – Непал, Бутан и Сикким.

Публично Индия критиковала американскую политику в холодной войне, но неофициально поддерживала линию Соединенных Штатов в Азии. ЦРУ помогало тибетским националистам-с явного одобрения Индии. В марте 1951 года в Вашингтоне было подписано секретное соглашение с Индией о сотрудничестве в оказании военной помощи тибетцам. Но в 1953 году Неру увидел, что Соединенные Штаты хотят сблизиться с Пакистаном, и поехал в Москву. А китайцы одержали полную победу над тибетцами, и в 1955 году ЦРУ временно прекратило свою работу в Тибете.

В 1957 году Вашингтон восстановил отношения с Неру. Его пригласили в Вашингтон. Индия стала получать военную и разведывательную помощь-тридцать восемь миллионов долларов. Часть денег пошла на борьбу за освобождение Тибета. Сотрудничая с пакистанской и индийской разведками, ЦРУ снабжало и обучало 14-тысячную тибетскую армию. Тибетцев учили средствам радиосвязи, чтению карт и владению современным оружием. Готовили их на острове Сайпан, потом – в Колорадо. Причем тибетцев уверяли, что они находятся в районе Гималаев, а вовсе не на территории Соединенных Штатов.

Крупное восстание началось в Тибете 10 марта 1959 года. Холодная война в Гималаях могла перерасти в горячую. Повстанцы довольно уверенно вели борьбу против китайских войск. Пекину пришлось отправить в Тибет подкрепления. Но тибетцы не желали учиться искусству партизанской борьбы, которая могла бы быть успешной. Они верили, что амулеты спасут их от пуль. Пытались вести настоящую войну с превосходящими силами Народно-освободительной армии Китая и потерпели поражение.

17 марта 1959 года далай-лама и духовенство бежали в Индию. За ними последовали сто двадцать тысяч беженцев. Автономия была уничтожена. Монастыри закрывались, монахов отправляли на перевоспитание. Тибетцев выселяли, а переселяли китайцев из других районов страны. Тибет имел стратегическое значение для Пекина, потому что здесь нашли около двухсот урановых месторождений и разместили заводы по переработке урана. Неру и его министр иностранных дел Кришна Менон уговаривали далай-ламу требовать автономии, а не полного

суверенитета Тибета. Но далай-лама настаивал на полной независимости, считая иной вариант «предательством интересов народа».

Индия помогала тибетским повстанцам, это привело к войне с Китаем, которую Неру проиграл... Нападал Китай, который не признавал «линию Мак-Магона», границу, проведенную британцами. Воевали из-за двух спорных пограничных районов площадью около ста двадцати пяти тысяч квадратных километров. Москва заняла нейтральную позицию. Китай возмущался: Советский Союз в любом случае обязан поддержать социалистическую страну.

Американская и британская разведки тщетно пытались раздобыть информацию о китайской ядерной программе. Руководитель резидентуры в Гонконге Джон Коллинз потратил большие деньги и докладывал, что с помощью сети информаторов и агентов создал досье на важнейших китайских чиновников. Но выяснилось, что надежной информацией он не располагает. Попытки заслать агентов в КНР не удалось. Все переброшенные по ту сторону бамбукового занавеса агенты или исчезали, или возвращались с пустыми руками.

Запад поздно понял, что ситуация в социалистическом блоке меняется: дружба Москвы и Пекина оказалась недолговечной. Китай был недоволен слишком малыми объемами советской помощи. Встревожен желанием Хрущева добиться разрядки напряженности. Мао желал полной экономической самостоятельности, чтобы обходиться без помощи иностранных государств.

В 1957 году артиллерия Народно-освободительной армии Китая стала обстреливать прибрежные острова, занятые тайваньскими войсками. На следующий год Мао Цзэдун попытался захватить архипелаги Цзиньмыньдао и Мацзу. 23 августа 1958 года вечером начался артиллерийский обстрел островов. Затем последовали авиационные налеты и атаки торпедных катеров.

Главная задача Тайваня состояла в том, чтобы снабжать острова всем необходимым. Это удалось с помощью американцев. 7-й флот перебросил на острова тайваньские подкрепления, доставил артиллерию. Бои продолжались до 30 сентября 1958 года. Потери были немалыми с обеих сторон. Но выбить гоминьдановцев Народно-освободительной армии Китая не удалось.

В Пекине обижались на Москву, которая не пришла на помощь. ЦРУ не знало, что Мао Цзэдун просил Хрущева дать ему ядерное оружие. Осторожный Хрушев ограничился обещанием прийти на помощь, если американцы вмешаются. Мао считал это предательством. Он мечтал о своем ядерном оружии и сделал все, чтобы его получить.

Вот тут американцы оценили возможности разведывательных спутников.

В 1964 году директор ЦРУ Джон Маккоун (он сменил Даллеса) объехал руководителей европейских государств, чтобы их предупредить: вскоре Китай испытает ядерную бомбу. Он вспоминал: «Я рассказывал им, что Китай может взорвать свою бомбу в течение ближайших месяца-двух. Китайцы провели испытание через месяц. Европейцы смотрели на меня как на пророка».

Первое ядерное испытание вызвало у китайцев невероятный восторг. Солдат без колебаний бросили прямо в эпицентр взрыва, чтобы доказать: китайская армия готова к войне с применением ядерного оружия. Испытание китайской ядерной бомбы сделало баланс сил еще менее предсказуемым. Через три месяца, в январе 1965 года, в Вашингтон прилетел премьер-министр Японии Эйсаку Сато. Его приняли президент Линдон Джонсон и министр обороны Роберт Макнамара. Сато умолял Соединенные Штаты в случае войны Японии с Китаем прийти на помощь и пустить в ход ядерное оружие.

Мао Цзэдун считал возможной ядерную войну во имя окончательной победы над западным капитализмом. На встрече в Кремле вождь итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти спросил китайского **ВОЖДЯ**:

— Что же останется от Италии после такой войны?

Мао холодно ответил:

– А кто сказал, что Италия должна выжить? Триста миллионов китайцев останутся, и этого достаточно, чтобы человеческая раса продолжила свое существование.

Советские руководители никак не могли определиться: можно или нельзя вести ядерную войну.

Георгий Максимилианович Маленков, когда возглавил правительство, хотел добиться каких-то позитивных перемен в жизни страны. Он сделал упор на производстве товаров широкого потребления, за что потом – когда дойдет до него очередь – его будут жестоко критиковать. 12 марта 1954 года, выступая перед избирателями накануне выборов в Верховный Совет, Маленков сказал, что новая мировая война «при современных средствах ее ведения означает гибель цивилизации». То есть он отказался от прежних представлений советского руководства о неизбежности войны и о том, что она поможет уничтожению мирового империализма.

Но эта идея не прижилась. Слова Маленкова о возможности гибели мировой цивилизации в случае третьей мировой войны стали желанным поводом для Хрущева избавиться от соперника. Никита Сергеевич обвинил главу правительства в отказе от основных принципов советской политики.

– Своим неправильным утверждением о гибели цивилизации, – настаивал Хрущев, – товарищ Маленков запутал некоторых товарищей... Теоретически неправильное и политически вредное положение способно породить настроения безнадежности усилий народов сорвать планы агрессоров...

Хрущева поддержали военные, уверенные в том, что и в ядерной войне можно победить. На Маленкова обрушился и Молотов:

– Не о «гибели мировой цивилизации» и не о «гибели человеческого рода» должен говорить коммунист, а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для уничтожения буржуазии... Разве можем мы настраивать так народы, что в случае войны все должны погибнуть? Тогда зачем же нам строить социализм, зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Уж лучше сейчас запастись всем гробами...

Мысль о том, что ядерная война станет катастрофой, отвергли как ошибочную. Маленкову, снятому с должности главы правительства, пришлось опровергнуть самого себя. При первом удобном случае он заявил, что нападение на Советский Союз закончится тем, что «агрессор будет подавлен тем же оружием и подобная авантюра неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы».

Хрущев говорил об использовании ядерного оружия как о чем-то вполне реальном. Сын Никиты Сергеевича рассказывал: его отец не хотел, чтобы мир понял, насколько он слаб. Был только один способ вселить если не уважение, то страх – напугать Запад бомбой. Хрущев блефовал, рассказывая, что у него больше оружия, чем на самом деле.

Зять первого секретаря главный редактор «Известий» Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как Хрущев принимал редакторов западногерманских газет. Один из них спросил: сколько ракет нужно для полного уничтожения ФРГ? Хрущев позвонил в Генштаб. Выслушав ответ, положил трубку и сказал:

– Всего семь штук.

5 августа 1961 года Хрущев выступал на совещании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий стран Варшавского договора:

– Мы вчера и позавчера беседовали с итальянцем Фанфани... Я вызвал начальника Генерального штаба и сказал: «Покажите, как мы подготовлены и какими будут наши ответные действия, если на нас нападет противник». Он мне докладывает, берет карту Италии, показывает, где находятся базы. «Хотя мы знаем, – говорю я Фанфани, – где у вас находятся базы, но вы можете уточнить их расположение, и мы тогда по базам ударим, а не будем бить по всей территории Италии». «Наши базы, – отвечает он, – как раз там, где цитрусовые». «Что же, – говорю, – цитрусы нужны, но ударить придется по ним...» Я Фанфани сказал: «Америка может

развязать войну через военные базы, которые имеются на вашей территории. Поэтому мы рассматриваем вас как своих заложников. Вы наши заложники. Если Америка навяжет нам войну, мы вас сотрем с лица земли, мы разрушим, уничтожим Европу»... Послу Англии я сказал: «Знаете, сколько нужно взорвать атомных бомб над Великобританией, чтобы вывести ее из строя? Я слышал, что у вас в Англии по этому вопросу идет спор. Одни говорят – шесть, это пессимисты, и вы к ним относитесь. Другие, оптимисты, говорят – не шесть, а девять бомб. Я вам выдам секрет Генерального штаба: мы больше ценим Великобританию, и у нас заготовлено несколько десятков атомных бомб, которыми ударим по Великобритании...»

Хрущев принял британского министра по вопросам науки и техники лорда Хэйлшема. В записи беседы говорится:

«Никита Сергеевич спрашивает Хэйлшема, где он живет, и говорит, что даст указание командующему ракетными войсками в случае войны не посылать в этот район ракету с боевым зарядом. Хэйлшем говорит, что если начнется новая война, то он предпочитает умереть. Никита Сергеевич соглашается с министром: выжить ему не удастся».

На новогоднем приеме в Кремле в конце 1960 года Хрущев сказал американскому послу, что у него пятьдесят ядерных бомб заготовлено для Франции, по тридцать на Англию и Западную Германию. Наверное, Никита Сергеевич шутил. Но кто воспринимал это как шутку? Фактически Хрущев оправдывал и подогревал гонку вооружений. Грозил европейцам, но его стрелы были нацелены на американцев.

– Нет ничего в мире, ради чего коммунисты готовы рискнуть потерей Кремля, – считал Эйзенхауэр.

Это не совсем так. Руководители Советского Союза, как и Соединенных Штатов, могли отступать только до определенной черты, чтобы не потерять лица. Конечно, ни Хрущев, ни Эйзенхауэр не были готовы к последнему шагу – отдать приказ о применении ядерного оружия. Но по соображениям личного и государственного престижа им так же трудно было и дать задний ход.

Ядерное оружие должно было защищать главные, основополагающие интересы государства. Сложность заключалась в том, чтобы определить, в чем состоит главный интерес противника. Задача дипломатии в холодную войну состояла в том, чтобы выяснить, какими территориями или союзниками Запад и Восток дорожат настолько, что готовы рискнуть Кремлем или Белым домом. И не заходить за красные флажки.

Одно из достоинств Эйзенхауэра состояло в том, что, как человек военный, он редко паниковал и сохранял хладнокровие. Ему докладывали, что советская экономика растет с невиданной скоростью, что советское машиностроение опережает американское, что советская ракетная технология превосходит американскую.

Мозговой центр военной авиации – «РЭНД корпорейшн» – пугал президента внезапной советской атакой, предсказывая, что американские стратегические бомбардировщики могут быть уничтожены первым ракетным ударом. «РЭНД корпорейшн» была создана военно-воздушными силами для проведения исследований стратегического характера. Там работали математики, физики, историки, специалисты по компьютерам. Они разрабатывали планы использования стратегического оружия.

Президенту предлагали на пятьдесят процентов увеличить американский военный бюджет. Но Эйзенхауэр благодаря разведке знал, что советский ядерный арсенал невелик и пока что уступает американскому. Он отказался разрушать экономику неоправданными военными тратами и, прощаясь со страной в январе 1961 года, говорил о том, что холодная война сформировала в стране военно-промышленный комплекс, который стал слишком влиятельным.

– До Второй мировой войны, – рассказывал телезрителям уходящий в отставку Эйзенхауэр, – Соединенные Штаты сами не создавали оружия. Теперь мы вынуждены иметь мощную военную промышленность. Объединение огромного военного истеблишмента с индустриальным

стрией вооружений является чем-то новым в американской жизни. Правительству следует быть начеку и не допускать неоправданного роста власти военно-промышленного комплекса. Мы не должны позволить ему подвергнуть опасности наши свободы.

Об Эйзенхауэре, бывшем генерале, говорили как об опасном для страны президенте, называли «современным Кромвелем». Его предшественник Трумэн считал, что поскольку Эйзенхауэр всю жизнь прослужил в армии, то плохо представляет себе реальную жизнь.

За восемь лет президентства Эйзенхауэра произошло множество международных кризисов. Но ни один американский солдат не был убит и никого не убил сам. Это была не просто удача. Эйзенхауэр знал, как просто начать войну. Но, как только прозвучал первый выстрел, события выходят из-под контроля. Поэтому не раз говорил министру обороны и начальникам штабов:

– Доведите до сведения всех командиров – ни одного выстрела без моего приказа.

При Эйзенхауэре американская экономика процветала, инфляция опустилась до полутора процентов. В середине пятидесятых годов две трети американских семей обзавелись автомобилями, три четверти домов имели телефоны. Американцы быстро раскупали телевизоры. Дуайт Эйзенхауэр подарил Америке восемь лет мира и процветания. Ни одному президенту в XX столетии такого не удавалось.

А вот у сменившего его на посту президента молодого политика Джона Кеннеди было ощущение, что Запад терпит поражение в холодной войне. Он выиграл президентские выборы в 1960 году, обвинив предшественника в том, что тот позволил Хрущеву обогнать Америку в создании современного оружия. Джон Кеннеди пришел в Белый дом с ястребиной программой:

– Нашим врагом является сама коммунистическая система, неостановимо стремящаяся к мировому господству. Это не борьба за превосходство вооружений. Это борьба двух непримиримых идеологий, свободы против безжалостной и безбожной диктатуры.

Кеннеди пообещал перевооружить армию:

– Мы вновь станем первыми. Я хочу, чтобы мир не поражался тому, что делает господин Хрущев. Я хочу, чтобы мир поражался тому, что делают Соединенные Штаты.

Никита Сергеевич с присущей ему манерой утверждал, что советские заводы выпускают ракеты, как сосиски. Но трудно было и с ракетами, и с сосисками. Советский Союз располагал достаточным количеством ракет средней дальности, чтобы угрожать Европе. Советские военные обзавелись немалым числом бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Но всего несколько ракет могли долететь до американской территории.

Американские военные, как и советские, считали ядерную войну возможной, исходили из того, что в ней можно победить. Командующий стратегической авиацией генерал Томми Пауэрс издевался над учеными, которые предупреждали об опасных последствиях ядерного излучения для генофонда человека:

– Еще никто не доказал мне, что две головы хуже, чем одна.

Генералу Пауэрсу не нравились разговоры политиков о том, что, если уж война разразится, следует наносить удары по военным объектам и щадить города.

– Ограничивать себя? – возмущался генерал. – Что вы так заботитесь о сохранении их жизней! Задача состоит в том, чтобы убивать этих сукиных детей. Если в конце войны останутся один русский и двое американцев, значит, мы победили.

В Великобритании на парламентских выборах осенью 1959 года консервативная партия осталась у власти благодаря очевидным успехам в экономике. Консерваторы наняли за полмиллиона фунтов стерлингов рекламную фирму, которая по всей стране расклеила плакаты: «Жизнь стала лучше при консерваторах – не позволяйте лейбористам ее разрушить». Поздравляя через год Джона Кеннеди с победой на президентских выборах, британский премьер Гарольд Макмиллан напомнил о важности экономических успехов: холодная война есть форма экономического соревнования.

Новый американский президент знал от разведчиков, что у Советского Союза нет превосходства в ракетах. Тем не менее Кеннеди распорядился вдвое увеличить производство своих ракет. Он хотел, чтобы половина стратегических бомбардировщиков была готова к взлету через пятнадцать минут. В 1960 году в океан вышла первая лодка с ракетами «Поларис». Через два года в океанской толще появятся еще восемь подлодок, это сто сорок четыре ракеты, оснащенные ядерными боеголовками и нацеленные на Советский Союз.

Такая политика неминуемо вела к столкновению двух держав. И конфликт разразился. Сначала из-за Берлина. Потом из-за Кубы.

«Нас ждет холодная зима, господин председатель»

Молодой американский президент был амбициозен и самоуверен. И все-таки перед встречей с советским лидером Никитой Хрущевым поехал в Париж советоваться с опытным Шарлем де Голлем. Президента сопровождала его элегантная, стильная и красивая спутница. Эта пара волновала воображение Старого Света. Американский президент казался суперменом. Сколько мужчин ему завидовали! Сколько женщин мечтали занять место Жаклин! Мало кто знал, что и в Париже, и в Вене Кеннеди чувствовал себя очень плохо. Иногда он не мог без чужой помощи подняться по лестнице или надеть носки. Была поврежденная на войне спина.

12 апреля 1961 года канцлер Федеративной Республики Германия Конрад Аденауэр приехал к Джону Кеннеди в Белый дом.

«Перед завтраком мы вышли в сад, – вспоминал Аденауэр. – К президенту подбежал его двухлетний сын. Взяв его на руки, я сказал Джону Кеннеди, что он может считать себя счастливым, имея впереди еще так много лет жизни, необходимых для проведения прозорливой политики и претворения в жизнь своих идей. Я добавил, что в этом отношении мое положение гораздо хуже. В ответ на это Кеннеди заметил, указывая на своего сына, которого я держал на руках:

– А я не могу даже так вот взять его на руки.

Он страдал от тяжелого ранения, полученного на войне».

Ночью 2 августа 1943 года японский эсминец «Амагири» направлялся на Соломоновы острова, чтобы доставить пополнение. В темноте эсминец протаранил американский торпедный катер. Машинное отделение взорвалось. Катер развалился надвое. Выжившие поплыли в сторону кораллового атолла. Командир катера плыл, зажав в зубах нейлоновый шнур, и тащил за собой плот с тяжелораненым мотористом.

На атолле Науру не было пресной воды. Передохнув, командир катера поплыл к другому островку. Там он обнаружил кокосовые орехи и брошенный транспортный корабль: нашлись канистры с питьевой водой, аптечка и консервы. Он что смог прихватил с собой и поплыл назад. Он проделывал это несколько раз, чтобы поддержать своих моряков.

9 августа его заметили полинезийцы, ловившие рыбу. Они согласились отвезти на остров, занятый войсками союзников, скорлупу кокосового ореха, на которой командир катера нацарапал: «Науру. Одиннадцать живы. Кеннеди». Моряки были спасены. Командиром катера, который спас своих людей, был лейтенант Джон Фицджеральд Кеннеди. В его наградном листе написали: «Действовал в соответствии с лучшими флотскими традициями ответственности и заботы о людях».

Модель его торпедного катера провезли по Вашингтону в день инаугурации нового президента. Военные подвиги помогли молодому политику добиться поддержки избирателей, но сказались на его здоровье.

«Ему нужны были болеутоляющие, чтобы успокоить спину, – пишет биограф Джона Кеннеди. – Антиспазмолитики, чтобы снять боли от хронического колита. Антибиотики, чтобы гасить инфекции в мочеполовой системе. Антигистаминные средства, чтобы избавиться от аллергии. Иногда приходилось выводить его из депрессии, которая, как считала Жаклин, стала результатом приема амфетаминов».

Кеннеди страдал редким эндокринным заболеванием, когда кора надпочечников не производит достаточного количества гормонов. Симптомы – низкое давление, хроническая усталость, раздражительность, тревога, беспричинное недовольство. Без лечения больной может потерять сознание. Президенту ежедневно кололи кортизон, это препарат, обладающий серьезными побочными действиями.

Его лечил модный доктор Макс Якобсон. Пациенты называли его «доктор Хорошее настроение» и были благодарны ему за уколы, которые поднимали настроение и наполняли энергией. Знаменитости сидели в его приемной, ожидая вызова. Писатель Трумен Капоте вспоминал: «После его уколов ощущаешь эйфорию. Чувствуешь себя суперменом. Словно летаешь. Новые идеи возникают с быстротой молнии. Заряжен на трое суток, и никакой кофе не нужен».

Доктор вкалывал пациентам большую дозу амфетаминов. Это сильные стимуляторы. Беда в том, что длительное применение амфетаминов могло закончиться психическим расстройством. Друзья привели доктора к Джону Кеннеди во время избирательной кампании 1960 года. Первый же укол поднял его настроение. Отныне услуги доктора требовались накануне больших выступлений.

Кеннеди получал коктейли, состоявшие из витаминов, гормонов, энзимов, амфетаминов и стероидов – сочетание, внушающее более осторожным врачам тревогу.

Роберт Кеннеди просил брата прекратить эти уколы. Джон Кеннеди ответил:

– Мне плевать, даже если это лошадиная моча. Это действует!

Доктор «Хорошее настроение» сопровождал Кеннеди в Вену на встречу с Хрущевым.

Разговор в Вене шел о Западном Берлине. Расколотый город оставался полем битвы холодной войны.

После создания двух германских государств Берлин оставался под оккупацией четырех держав-победительниц и юридически не принадлежал ни к ГДР, ни к ФРГ. Потсдамские соглашения продолжали действовать. Не немцы, а только четыре державы имели право управлять Берлином. Берлин представлял собой особую административную единицу, власть формально принадлежала четырехсторонней комендатуре в Далеме. Правда, советский комендант был отозван и располагался в Карлсхорсте.

Экономически Западный Берлин был привязан к бы-строразвивавшейся и богатевшей Федеративной Республике. С каждым годом процветающий Западный Берлин становился все более притягательным для восточных немцев. Высококвалифицированная рабочая сила утекала, даже если не бежала, – примерно пятьдесят тысяч жителей Восточного Берлина работали в Западном. Они пользовались дешевыми жильем и продуктами на Востоке, но помогали развитию Запада.

«Западный Берлин действовал деморализующе на восточногерманский режим, – писал один из журналистов. – Более высокий жизненный уровень, беспрепятственный доступ к западной прессе, театрам, фильмам, сам факт, что рядом существует иной образ жизни, делал отсутствие свободы в Восточной Германии еще более тягостным. И все же возможность ездить в Западный Берлин и наслаждаться этими запретными благами сама по себе действовала успокаивающе. Коль скоро такие блага находятся в пределах досягаемости, не обязательно покидать Восточную Германию. Открытая граница одновременно представляла собой и приманку, побуждающую уехать из Восточной Германии, и как бы взятку за то, что люди не уезжали».

Граница между ФРГ и ГДР давно была закрыта. А перебраться из одной части Берлина в другую не составляло труда. Через эту лазейку каждый год на Запад уходило примерно четверть миллиона человек.

Еще в марте 1948 года Вильгельм Пик просил Сталина удалить союзников из Берлина.

– Давайте общими усилиями попробуем, – откликнулся вождь, – может быть, выгоним. Но Сталину это не удалось.

До возведения Берлинской стены 13 августа 1961 года Восточная Германия потеряла три миллиона человек. Руководитель социалистической ГДР Вальтер Ульбрихт рисковал остаться один. Если выкинуть из Западного Берлина союзников, считал он, город можно будет объединить. Если не получится присоединить западную часть Берлина к ГДР, ее нужно отсечь.

ГДР был форпостом социализма. Хрущеву хотелось, чтобы этот форпост производил сильное впечатление, чтобы преимущества социализма были очевидны с первого взгляда. ГДР

как страна с открытыми границами казалась самым надежным аргументом в пользу социализма. Поэтому Хрущев сопротивлялся возведению стены.

Вальтер Ульбрихт сам понимал, что слабое место его страны – экономика. На пятом съезде партии в июле 1958 года он обещал, что к 1961 году потребление в ГДР на душу населения превзойдет уровень ФРГ. Ему было бы легче, если бы люди перестали бежать из Восточной Германии.

28 августа 1958 года заведующий отделом ЦК КПСС по соцстранам Юрий Андропов составил своему руководству записку о бегстве интеллигенции из ГДР. Он отметил, что в Восточном Берлине считают, что люди бегут по материальным соображениям, в реальности же бегут по политическим. Андропов предложил объяснить товарищу Ульбрихту важность этой проблемы. Советские руководители толковывали Ульбрихту, что ГДР нужно сделать упор на легкой промышленности и добиваться подъема уровня жизни. Так же считали и некоторые руководители ГДР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.